

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СВЯТИЛИЩЕ
КУЧЕРЛА-1 (КУЙЛЮ): ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Святилище Кучерла-1 представляет собой уникальный культовый комплекс, сочетающий культурные слои и наскальные изображения. Проведенные исследования показали, что святилище-жертвенник действовал с перерывами на протяжении нескольких тысячелетий: удалось выявить следы культовой деятельности древнего населения Горного Алтая в афанасьевскую эпоху, в эпохи поздней бронзы, раннего железа, средневековья и этнографическую современность. Находки в культурных слоях жертвенника в основной массе представляли собой керамический и остеологический материал, а также наконечники стрел, орнаментированные астрагалы и иное. Это позволило выяснить функциональную принадлежность памятника и интерпретировать его как святилище. В афанасьевском слое была обнаружена коленная чашечка человека. В статье сделана попытка осмысления данной находки в контексте ее обнаружения.

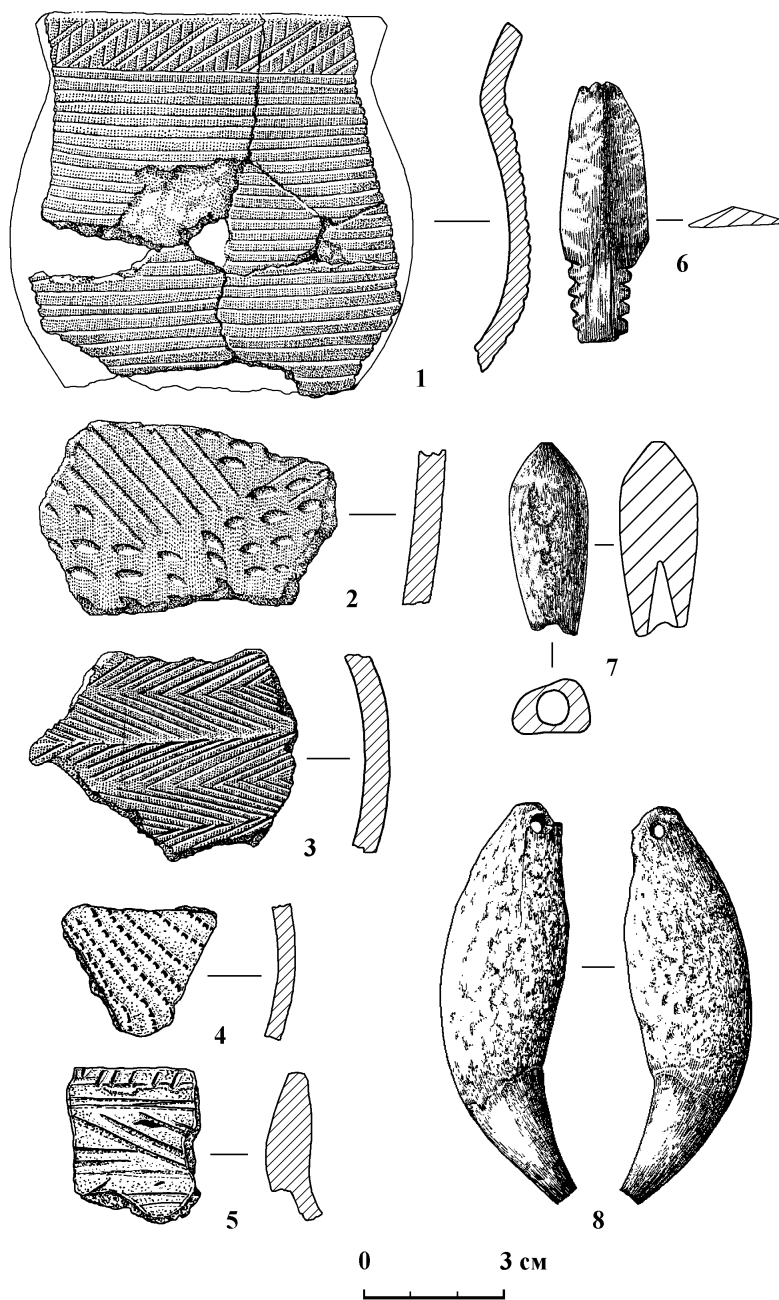
Ключевые слова: Горный Алтай, афанасьевская эпоха, святилище, антропология, жертвоприношение, культ предков.

Интерпретация неординарных археологических находок для исследователей всегда являлась достаточно сложной и неоднозначной задачей. С особенной осторожностью при этом необходимо подходить к трактовке подобных материалов с памятников, не только отражающих состояние материальной культуры этноса, но и позволяющих реконструировать на ее основе культуру духовную. К числу таких археологических объектов нами отнесено святилище Кучерла-1, расположенное в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Данный культовый комплекс всесторонне исследован В. И. Молодиным в 1988–1990 гг., по результатам раскопок и исследований, а также по отдельным проблемным вопросам опубликован ряд работ (см.: [Деревянко, Молодин, 1991; Молодин, 2005; Молодин, Ефремова, 2008; Ефремова, 2008] и др.). Святилище (наскальные изображения и культурный слой перед ними) представляло собой уникальный многослойный жертвенник, связанный с производственными культурами древнего населения Горного Алтая и функционировавший (с перерывами) с эпохи ранней бронзы до этнографической современности.

На памятнике был обнаружен массовый остеологический и керамический материал: животных, по-видимому, приносили в жерт-

ву на площадке перед скалой с петроглифами, при этом использовали и сосуды. К числу других находок относятся наконечники стрел, каменные зернотерки, орудия и предметы из различных материалов (рога, кости, бронзы, железа) и т. д. (см. рис. ниже). К этому же ряду принадлежит и единственная найденная на святилище человеческая кость: в слое афанасьевского времени была обнаружена коленная чашечка, находившаяся напротив центральной части скалы с изображениями. Учитывая, что ни на территории памятника, ни вблизи него погребения не зафиксированы, можно предположить, что найденный в слое антропологический материал соотносится с деятельностью культового характера.

Случаи обнаружения костей человека у скал с петроглифами в большом количестве имеют место в Забайкалье, Приамурье и Якутии. Самой близкой аналогией можно считать жертвенник у писаницы Аппа на р. Амга в Якутии, где среди находок эпохи неолита обнаружен единственный грудной позвонок человека, на скале отмечены рисунки неолитического времени и эпохи раннего железа [Кочмар, 1994. С. 123]. В Приамурье у скал с петроглифами также встречались антропологические остатки, помещавшиеся в плиточные оградки. От собственно погребений такие объекты отли-

Находки из слоя афанасьевского времени культового комплекса Кучерла-1:
 1–5 – фрагменты сосудов; 6–7 – наконечники стрел; 8 – просверленный клык медведя
 (1–5 – керамика, 6–7 – рог, 8 – кость)

чает фрагментарность костяков и специфическое преднамеренное расчленение отдельных костей. Так, у писаницы Моготуй человеческие кости присутствовали в девяти из четырнадцати оградок; как правило, у костей конечностей удалялись или подрезались эпифизы, черепные коробки были отсечены по глазницам и затылку. В одном случае кости принадлежали убитому ударом по голове ребенку 7–8 лет. Подобная

оградка отмечена у писаницы Калашниково [Мазин, 1994. С. 50, 52].

По мнению А. И. Мазина, человеческие жертвоприношения появляются в конце неолита – начале эпохи бронзы. Исследователю удалось проследить два варианта ритуала. Для раннего этапа характерны фрагментарность костяков, их расположение в жертвенной ямке в анатомическом порядке. Черепные коробки отсечены по уровню

глазниц, у костей конечностей отсечены эпифизы. Отсутствуют кисти и стопы, другие кости подрезаны. На позднем этапе, с I тыс. до н. э., от черепа оставляется лицевая часть и нижняя челюсть с намеренно выбитыми резцовыми зубами, эпифизы чаще не отсекаются, а надрезаются; отмечается небрежное отношение к жертвенным костям, в жертвенники укладывали фрагменты человеческих тел. Подобные средневековые объекты отмечены у писаниц-жертвенников Приамурья, Копчил, Усть-Цорон, Малый Улистай, Могойтуй. Все они, как считает А. И. Мазин, являются жертвоприношениями скалам с рисунками [Мазин, 1994. С. 74–75].

Помимо находок антропологических материалов, связанных с жертвенниками, имеют место и другие проявления обрядов захоронений, связанных со скалами. Это, несомненно, не что иное, чем акт жертвоприношения, однако в контексте данной работы этот аспект заслуживает упоминания. Так, захоронения у скал с рисунками встречались, например, в Читинской области у 12-й плоскости писаницы Копчил. Здесь найдено вторичное погребение: в могильную яму помещены кости и череп [Мазин, 1986. С. 42]. У писаницы Усть-Цорон также обнаружен антропологически целый костяк под искусственной кладкой. Здесь же найдены три плиточные оградки, в одной из которых – часть скелета женщины (все кости подрезаны) [Там же. С. 54–55; 1994. С. 41, 43]. Сочетание захоронения и человеческих костей, помещенных в оградки, встречалось также у писаницы Малый Улистай, оградка-жертвенник – у писаницы Нортуй II [Мазин, 1986. С. 62; 1994. С. 53–57, 61].

На памятнике Поворот п. III в Забайкалье оригинальное погребение человека располагалось у скальной стенки с рисунками, в слое, содержащем керамику, очаги, каменные и бронзовые артефакты [Окладников, Запорожская, 1970. С. 56–58].

В процессе расчистки скальных осыпей одной из ниш Шалаболинской писаницы было обнаружено еще одно погребение человека, интерпретируемое как ритуальное жертвоприношение на территории древнего культового комплекса. Погребение относится к середине I тыс. н. э.: на стены ниши нанесены средневековые рисунки, стратиграфически костяк залегал на этом уровне, выше основания композиции эпохи раннего

железа. Захоронение интерпретируется авторами как ритуальное человеческое жертвоприношение на территории древнего культового комплекса [Заика, Дроздов, Макулов, 2005. С. 156, 158].

А. П. Окладниковым были обнаружены скальные погребения у Воробьевых писаниц в Якутии. Одна из щелей была заполнена костями как минимум шести человек, причем это заполнение производилось постепенно частями предварительно разрозненных костяков. По мнению А. П. Окладникова, это могло быть своеобразное костехранилище родовой группы, когда останки похороненных предварительно в наземных сооружениях людей переносились позднее на территорию скального святилища-писаницы [Окладников, 1949. С. 338]. Подобный феномен отмечен и гораздо южнее. В Чатал-Гююке, равно как и у парсов, трупы отдавались хищным птицам, затем обнаженные от плоти кости бережно хоронились в домашнем святилище, у ног Великой богини. Часто совершается намеренное расчленение трупов с целью их последующего собирания воедино. В неолите был распространен обычай отчленения головы, сохранявшейся затем в святилище; до новейших времен захоронение некоторых органов умершего в различных святых местах практиковалось правящими домами Европы [Буркерг, 2000. С. 432].

Скальные захоронения отмечались и вне связи с петроглифами. Так, в Горном Алтае погребение ребенка в колыбели (относимое предположительно к древнетюркскому времени) найдено в небольшой скальной нише в верховьях р. Юстыд, рядом с могильником Юстыд-1 [Кубарев, 1988. С. 123].

Видимо, неоднозначную интерпретацию следует давать также костям человека, находимым в пещерах. Подобные погребения существуют практически во всех горных районах. Примечательно, что местное название кучерлинского скального святилища – «Куйлю» – переводится как «имеющий пещеры». Антропологические остатки имели место в слоях эпохи раннего железа Денисовой пещеры (Горный Алтай). Разрозненные человеческие кости, по мнению авторов исследования, не могли являться следами каннибализма или остатками погребений, скорее всего, это следы жертвоприношений, проводившихся в пещере. Находки человеческих останков, относящиеся

к голоценовой эпохе, встречались и в других пещерах Алтая (Чергинский провал), Средней Сибири (Археологическая, Кашкулакская, Бородинская, Базинская), Дальнего Востока; есть упоминания о подобных обрядах и в этнографической литературе [Деревянко, Молодин, 1994. С. 20–21, табл. 4; С. 22, табл. 6; С. 32–34, табл. 11; С. 133; Гузев и др., 2001]. Аналогичная интерпретация дается антропологическому материалу, обнаруженному в Айдашинской пещере [Молодин и др., 1980. С. 93]. На Урале из найденных в Бурановской пещере костных останков как минимум трех человек (двух взрослых и ребенка) только одни можно интерпретировать как погребение, остальные представлены разрозненно и фрагментарно [Бибииков, 1950. С. 99]. Обломки человеческих костей встречены на жертвенном месте в Таналыкской пещере (Оренбургская область) среди фрагментов керамики, костей животных и многочисленных наконечников стрел [Канивец, 1964. С. 24–25]. В Уньинской пещере антропологический материал представлен девятью зубами и тремя фалангами пальцев, принадлежавшими, как минимум, двум особям. В данном случае находки также считаются проявлением исчезнувшего обряда человеческих жертвоприношений, существовавших у многих народов в древности. Свидетельство тому сохранилось, например, в некоторых легендах манси. Так, для удачи в поиске клада необходимо было отрезать у мальчика или девочки конец пальца и идти по кровавому следу, ведущему к заветной цели [Там же. С. 130–131].

Человеческие кости встречались также на святилищах европейской части территории России и на Урале. На памятнике эпохи ранней бронзы Черная гора волосовской культуры в Волго-Окском междуречье обнаружены обезглавленные костяки четырнадцати человек, черепа же были помещены в погребение вперемешку с костями лап и челюстями медведей. Все находки сильно обожжены и посыпаны красной охрой. На другом памятнике начала II тыс. до н. э. – Володарах – отмечено захоронение двенадцати человек, головы которых (кроме детских) отрублены, обожжены и посыпаны охрой. Среди костяков людей находились кости медведей, преимущественно фаланги лап. Возможно, последние выступают здесь в качестве зверей-предков. Так, например,

в культах, отмеченных на правобережном Енисее, в подобных ипостасях фигурируют медведь, волк, олень [Хлобыстина, 1987. С. 114–115]. На Урале – на жертвенном месте Голый Камень – обожженные кости человека найдены на вершине горы в комплексе с остеологическими остатками диких и домашних животных, керамикой, глиняным украшением и бронзовой стрелой [Бадер, 1953. С. 337]. На святилищах Савин-1 и Слободчики-1 в Тоболо-Иртышском междуречье отмечено три случая ритуального погребения людей, пять случаев присутствия человеческих останков зафиксировано в культовой части городища Чудская гора в Омской области [Потемкина, 2005. С. 50, 52].

Сведения о человеческих жертвоприношениях встречаются у многих народов по всему миру, объять все эти факты в рамках одной работы невозможно. Легенды и поверья разных этносов отражают существовавшие обычаи приносить человеческие жертвы духам земли при начале строительства мостов, плотин, крепостей, домов и т. д. Так, в частности, неприступность крепости могли обеспечить похороненные под ней *куски тела* героя. При других жертвоприношениях от жертвы могли отрывать *куски* мяса, *часть* которых зарывалась на месте проведения обряда [Тайлор, 1989. С. 86–88, 467, 469]. Человеческие жертвоприношения отмечались в погребальных обрядах некоторых народов. Так, при похоронах могли приносить в жертву жен (невольниц) и рабов (слуг), чтобы они помогали усопшему в ином мире также, как при жизни [Там же. С. 244]. Что касается территории нашей страны, то сведения о человеческих жертвоприношениях имеют место у барабинских татар, угров, хантов со второй половины II тыс. н. э. Есть свидетельства о жертвоприношениях иноплеменников (или рабов) на культовых местах, перед деревянными изображениями идолов. Совершались такие действия в исключительных случаях [Молодин и др., 1990. С. 205]. М. Ф. Косарев говорит о существовании ритуальных убийств людей у оленных чукчей, не уточняя, впрочем, являлись ли подобные акты жертвоприношениями [Косарев, 2003. С. 160]. Н. М. Ядринцев упоминает о сохранившихся в старинных алтайских легендах свидетельствах существования человеческих жертвоприношений. Согласно первым, кир-

гизы во время нашествия Аблая не смогли перейти Катунь и принесли в жертву реке пленную девушку, тогда Катунь расступилась. Другое сказание говорит о принесении монголами пленницы в жертву горе Чаптагану. Еще один рассказ повествует о преследовании русских телеутами; последние, чтобы благополучно переправиться через р. Томь, принесли ей в жертву двух захваченных русских девиц [Ядринцев, 1881. С. 246].

Интерпретация антропологических материалов, обнаруженных в уникальных комплексах, не ограничивается только описанным выше взглядом на них как на остатки актов жертвоприношений. Существуют и другие объяснения данного феномена, включающие как рациональные, так и иррациональные варианты. Так, на памятнике Таш-Аир I в Крыму, интерпретируемом как многослойная пещерная стоянка, в слое эпохи энеолита – ранней бронзы у навеса с наскальными изображениями обнаружены фрагменты черепа и несколько костей человека. Находки располагались под упавшими с потолка навеса каменными глыбами в объемной темной кострищной прослойке; здесь же лежали кости животных и кремни. Фрагменты черепа имели сильную закопченность. Авторы допускают два варианта интерпретации: человек мог сидеть у костра и быть задавлен глыбами, упавшими с потолка навеса от землетрясения, либо в данном случае перед нами следы каннибализма. При этом в сюжете петроглифов имеет место поверженная человеческая фигура, сама же композиция трактуется как отражение события военного характера [Крайнов, 1960. С. 49, 109, 115]. Примечательно, что возможный несчастный случай может базироваться на бытующих в данной местности верованиях. Так, эвенк-информатор считал упавший с вершины скалы с петроглифами камень мезью «духа-хозяина» святилища: «Этот камень когда-то лежал на самой вершине скалы. Однажды один плохой человек решил собрать около скалы ее приношения. Когда он их собрал и хотел уйти, то камень сорвался с вершины и придавил его. Человек этот так и остался лежать под камнем..., но “хозяин” все равно очень рассердился на людей и покинул скалу» [Мазин, 1986. С. 129].

Есть и еще один вариант семантического значения найденного на святилище антро-

пологического материала, связанный с непосредственным применением последнего. Фигурирование костей человека в ритуальной практике непогребального характера описывал Дж. Фрэнгер. Так, колдун в Новой Каледонии в обряде магического управления солнцем использовал зубы или целую челюсть из скелета *предка* [Лаушкин, 1959. С. 94].

Таким образом, единичность антропологической находки на Кучерлинском святилище не позволяет предполагать здесь наличия погребения. На настоящий момент можно говорить о нескольких вариантах интерпретации обнаруженной на культовом комплексе кости человека. Прежде всего, она рассматривается нами в качестве остатков жертвоприношения. В архаичную эпоху «за частью дерева стояло все дерево, за отдельным камнем – вся гора, а за шкуркой – само животное» [Чекоданова, 2000. С. 394]. Не исключено, что в данном случае, согласно принципу «части вместо целого», кучерлинская находка могла символизировать жертвоприношение человека. Следующий вариант – часть останков могли приносить на святилище рода, вверяя усопших или их души покровительству духов-«хозяев» (духов-предков); возможно, существовали определенные культы, связанные с воспроизводством не только охотничьей добычи, запечатленной в наскальных изображениях, но и непосредственно родовой группы. Наконец, учитывая присутствие отдельных неординарных находок в культурных слоях памятника (например, просверленных клыков медведя), возможна интерпретация человеческой кости как атрибута культа, бытовавшего здесь в древности и нашедшего отражение в материалах слоев жертвенника и наскальных изображениях.

Список литературы

Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края // Учен. зап. Молотовского университета. Молотов, 1953. Т. 8, вып. 2. С. 311–364.

Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. 13. С. 95–138.

Буркерт В. Ното песанс. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе // Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 405–478.

- Гузев И. А., Крупянко А. А., Орлов П. А., Табарев А. В., Якупов М. А. Пещерные комплексы Приморья: новые находки и перспективы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2001 г. Новосибирск, 2001. Т. 7. С. 288–291.
- Деревянко А. П., Молодин В. И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. 1. 261 с.
- Деревянко А. П., Молодин В. И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 3–7.
- Ефремова Н. С. Святилище Кучерла-1 как источник по реконструкциям духовной культуры древнего населения Горного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 23 с.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Исследования Шалаболинских петроглифов (итоги работ 2004 г.) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 155–158.
- Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. 136 с.
- Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003. 352 с.
- Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994. 264 с.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. М., 1960. № 91. 191 с.
- Кубарев В. Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 107–145.
- Лаушкин К. Д. Онежское святилище. Ч. 1: Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Т. 4. С. 83–111.
- Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994. 102 с.
- Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск, 1986. 260 с.
- Молодин В. И. Изображения животных на фрагментах рога святилища Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае // Мир наскального искусства. М., 2005. С. 186–189.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С. Культурный комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 67–78.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.
- Окладников А. П. История Якутии. Якутск, 1949. Т. 1. 440 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. 2. С. 56–58.
- Потемкина Т. М. Святилища эпохи энеолита и бронзового века Тоболо-Иртышья (сравнительный анализ) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 50–52.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. 576 с.
- Хлобыстина М. Д. Говорящие камни. Новосибирск, 1987. 128 с.
- Чекоданова К. К. Ритуальные формы в современном искусстве // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 392–401.
- Ядринцев Н. Об алтайцах и черневых татарах // Изв. ИРГО. СПб., 1881. Т. 12, вып. 4: Географические известия. С. 228–254.

Материал поступил в редколлегию 08.08.2009

N. S. Efremova

ANTHROPOLOGICAL FIND ON A SACRED PLACE KUCHERLA-1 (KUIYLY): PROBLEMS OF INTERPRETATION

The sacred place Kucherla-1 represents a unique cult complex combining cultural layers and petroglyphs. The researches have shown, that the sacred place worked with breaks during several thousand years. Here it was possible to reveal traces of cult activity of the ancient population of Mountain Altai in Afanasievo epoch, in epoch of late bronze, early iron, middle ages and ethnographic present. The finds in cultural layers in the bulk represented ceramics and fragments of bones, and also tips of darts, astragals with ornaments and other. It has allowed to find out a functional accessory of object and to interpret it as a sacred place. In Afanasievo layer was found out knee bone of the man. In clause the attempt of judgement of the find in a context of its detection is made.

Keywords: Mountain Altai, Afanasievo epoch, sacred place, anthropology, sacrifice, cult of ancestors.